

Протоиерей
Андрей Ткачев

**Сохранить
живую
веру**

**Протоиерей
Андрей Ткачев**

**Сохранить
живую
веру**

*Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2015*

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

Т 48

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 15-423-1928*

Протоиерей Андрей Ткачев

Т 48 Сохранить живую веру. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2015. — 64 с., ил.

ISBN 978-5-7533-0957-0

Книга известного миссионера протоиерея Андрея Ткачева посвящена актуальным проблемам церковной жизни. Как войти в Церковь и не уйти из нее? Какие ошибки подстерегают новоначального на пути воцерковления? Как не просто ходить в Церковь, но жить Церковью и жить для Церкви и для Главы ее — воскресшего Христа? Как не свести христианство к одной лишь обрядовой стороне, но сделать его руководящим принципом жизни и настоящей силой? Ответы на эти и другие вопросы читатель найдет в предлагаемой книге.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-0957-0

© Сретенский монастырь, 2015

© Ткачев А., протоиерей, 2015

ЧТОБ НЕ УЙТИ...

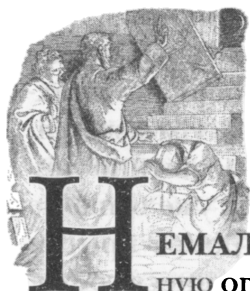
УМЕЕШЬ побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой».

Так говорили римляне о заклятом своем враге и гении войны — Ганнибале Карфагенском. Тот, как известно, сражения выигрывал, и при Каннах нанес Риму неслыханное поражение, и вообще покрыл себя славой великого полководца, но... Войну Риму всё же проиграл, потому и дал повод для подобных пословиц. И сказанное о нем не его одного касается. Можно выигрывать сражения и проиграть войну. Можно выиграть войну, но бездарно распорядиться плодами победы. И далее в глубь жизни по нисходящей линии: жениться, но не создать прочную семью; выучиться,

но никогда не пользоваться полученными знаниями; построить дом, но не обжить его. Список велик. И нам, как людям верующим, интересна такая ситуация: человек в Церковь пришел, но в Церкви не остался. Вымыло человека из Церкви, выбросило, словно пробку из шампанского. Это случается сплошь и рядом. И у этого явления есть масса субъективных характеристик, знать которые мы не в силах, следовательно — оценивать не вправе. Но у этого явления есть и стандартные черты, которые можно описывать и наносить на карту местности в качестве заминированной территории. Итак, по какому минному полю, или шире — полям, ходить не стоит, ступив на землю Церкви?

ДУРНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

НЕМАЛО людей вошли в церковную ограду с тревогой о конце света. Это не предосудительно и даже неизбежно. Сама вера наша устремлена к будущему веку, то есть видит конец века нынешнего. Христос, как пишет апостол Павел, *когда пришла полнота времени... родился от жены, подчинился закону* (Гал 4, 4). Полнота наступила с момента Рождества, и под знаком ожидаемого конца проходит вся история человечества. Более того, именно когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда-то и близок конец (см.: 1 Фес 5, 3). То есть когда ожидание конца и ощущение его близости отойдет, придет на их место ложная уверенность в стабильности — тогда близок

конец. Но сказанное как раз означает, что в отношении конца времен христиане должны быть, я бы сказал, напряженно-спокойны. Они не должны быть взвинченны и нервозны. Именно взвинченность и нервозность характерна для некоторых недавно пришедших, недавно воцерковившихся. Они не знакомы с историей. Им кажется, что сегодняшние события совершенно уникальны, тогда как на деле всё уже было не раз: и массовая тревога, и ропот против церковной власти, и умножившиеся грехи, и беды, вплоть до не погребенных трупов вдоль дорог. И всё это повторяется в духе, меняясь лишь в пропорциях и количествах, до тех пор, пока не протрубит последняя Архангельская труба. И о дне и часе том нам заповедано даже не испытывать, но в целом вести жизнь бодренно.

Эсхатологическая взвинченность опасна с нескольких сторон. Во-первых, те, кто не разделяет крайних взглядов, кажутся «ожидателю конца света» либо изменниками, либо людьми мирского духа. Ревностный язык не щадит тогда и патриарха с митрополитами, и духовников в монасты-

рях и приходских храмах. Всюду мнится если и не заговор, то по крайней мере непростительное охлаждение. Дружественные связи рвутся. Из всех тем для разговоров остаются только темы масонов, кодов, знаков и близкого суда. Не только радость, но элементарное спокойствие уходят из жизни. И можно смело считать «закодированным» человека, всюду говорящего только на тему кодов. А каково разочарование «ожидателя», когда Суд медлит и времена оттягиваются! На Самого Господа, думаю, некоторые злятся, что Он не спешит прийти. Огорчаются, как Иона, даром ждущий разрушения Ниневии. И как было уже в истории, так бывает и на наших глазах. Ждавшие, но не дождавшиеся конца христиане склонны вместе с потерянной надеждой на скорое завершение истории утратить саму веру. Времена напряженного ожидания Суда часто сменяются временами плотского разгула, скепсиса, словно компенсирующего бывшие эсхатологические лишения и ожидания.

Вывод: не стоит строить всю веру и всё мировоззрение на одном лишь последнем

члене Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Стоит помнить о конце всегда. Но не стоит мыслями о конце вытеснять из жизни всякую радость, всякое творчество, всякую простоту и легкость, без которых жизнь может стать невыносимой независимо от близкого прихода или неприхода Антихриста.

ЦЕРКОВНАЯ ИЗНАНКА. «СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ»

В ХРАМ можно войти главными, западными дверями, но служителям можно и через пономарку. Так и театр для зрителей начинается с вешалки, но для работников и артистов — с черного, или служебного, входа. Всюду есть возможность заходить не с улицы и открыто, но как-то и где-то вместе с «избранными». В отношении Церкви имеется в виду «естественное» для падшего человека стремление завязывать знакомства, обрастать связями, гордиться близостью к тем или иным церковным деятелям и иерархам. «Я знаю», «я был», «мы общались», «мы вместе ездили»... Всё это слишком по-человечески, и не стоило бы на этом акцентировать внимание, если

бы не опасности, скрытые в явлении. Странно, но факт: можно так сильно обрасти «знанием» разных людей Церкви, что знание главного Человека Церкви — Иисуса Христа — отойдет на задний план. То, в чем Павел упрекал коринфян («я Павлов, я Аполлосов, я Кифин», — говорили они. — см.: 1 Кор 1, 12), существует в виде реально-го соблазна и для всякого из нас. С одним епископом ездил в паломничество, с другим архимандритом сидел за столом на празднике, у того духовника был в келье, и вот уже началось «священное накопительство» знакомств и воспоминаний. Это потом можно будет пересказывать с видом знатока, это можно будет вменить себе в тайную заслугу. А ведь единственное, что имеет подлинную цену, — это знание Иисуса Христа как Главы Церкви и своего Спасителя. Всё остальное — инструментарий для этого познания.

Дальнейшие опасности парадоксальны. От любви до ненависти, как известно, один шаг. Ровно столько же и от страстного восхищения и обожания до вражды и ненависти. Чрезмерная близость к человеку

опасна угрозой резкого разрыва с человеком. У англичан есть поговорка: «Ближе знаешь — меньше чтишь». Отсутствие некоторой необходимой отстраненности от старца, духовника, священника, епископа опасно. Опасна эта не в меру сократившаяся дистанция именно человеческим (страстным) отношением к носителю сана. Она грозит превратиться в явление просто человеческое, слишком человеческое, а значит, по сути прелюбодейное (не в смысле непременно плотского греха, но в смысле измены Господу, что есть на языке аскетики — прелюбодеяние). И если кто-то из нас начнет искать абсолютную святость в мире церковных людей, он может спровоцировать катастрофу в своей духовной жизни. Мы можем забыть литургический возглас: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». Христос — Единственный Безгрешный. В этом смысле слова «Един Свят» — это не просто возглас службы, но руководящий принцип мышления. Абсолютной святости в людях искать нельзя! Сам поиск ошибочен, следовательно — результаты могут быть губительны. Результатом

может стать разочарование, разуверение, крушение идеалов, отчаяние. И вот уже вчерашний собиратель «отеческих преданий» и «живых историй» сегодня оказывается циничным пересказчиком церковных анекдотов. Он устал, он поломал крылья, он обжегся ранним входом в алтарь или чрезмерной близостью к иерархам. Ему не на пользу пошли услышанные разговоры. Его уже трудно удивить, поскольку со всем он, кажется, знаком. На литургии он рассеян, книги его не интересуют. Проповедь он не слушает, благословение берет только по привычке, вместо «здравствуйте» с духовенством.

Если вы не хотите, чтобы сказанное относилось к вам или вашим родным, не спешите вводить своих сыновей в алтарь, даже если настоятель предложит. Не спешите и сами близко сходить к церковным людям. Okрепните в вере, наберитесь твердости и мужества. Научитесь видеть Христа не только в символах и знаках богослужения и церковного убранства, но научитесь замечать Его действия через людей, благодаря людям и вопреки им. Тогда всё остальное будет не страшно. Тогда осталь-

ное вас не оттолкнет, не обидит и не соблазнит. Но только тогда — и не раньше.

Церковь — это, при всей видимости, осязаемости, исторической огромности, есть предмет веры. Мы говорим: «Верую во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь». То есть главное в Церкви доступно не глазу, не уху и не рукопожатию, а сердцу. И как зрелище греха вне Церкви не убеждает верующего в существовании Бога, так и зрение греха внутри Церкви не убивает у подлинно верующего человека веру в Церковь и любовь к ней. Такая встреча с грехом внутри ограды есть всегда вызов, и боль, и серьезное испытание. Его можно преодолеть, но его нельзя искать и на него нельзя добровольно нарываться. Вот почему настырное желание всё знать, со всеми перезнакомиться, всюду быть вхожим и своим наказуемо умножением соблазнов и угрожает потерей веры.

Если Церковь сравнить с картиной, то нужно выбрать расстояние от себя до нее, чтобы видеть всё правильно. Чрезмерное удаление превращает картину в пятно. Но чрезмерное приближение открывает

фактуру холста, отдельные мазки, но никак не красоту в видении общего и целого. Ищите такую точку обзора Церкви, с которой Невеста Христова будет видна в красоте своей. Но без особого приглашения не держайте подходить к ней ближе, чем на вытянутую руку. И даже после приглашения приблизиться не спешите. Если это воля Божия, приглашение повторится.

ГОРЯЧНОСТЬ. ВОЗМОЖНАЯ ЧРЕЗМЕРНОСТЬ УСИЛИЙ

ЖИЗНЬ в Церкви — это не бег на спринтерскую дистанцию, так, чтобы рвануть с места, выложиться и достичь цели. Это даже не бег на длинную дистанцию, но, если уж говорить в подобных категориях, это кросс по пересеченной местности или даже марш-бросок. Мы движемся не по ровной дорожке, наматывая круги. Мы движемся вверх-вниз, то бегом, то шагом, не налегке, но с грузом или отягощением. Соответственно нам нужна не рывковая скорость, а терпение и жизненная выносливость.

Многими тысячами исчисляются те наши во Христе братья и сестры, которые в начале своего церковного пути «подвижничали» с максимальным напряжением

и быстро растратили запас сил. Затем с роковой неумолимостью к людям, растратившим силы, подбирается уныние, а там уже недалеко и до кризиса веры. Вы легко узнаете их по потухшему взгляду, по скептическим интонациям голоса, по грустным историям о личных катастрофах, постигших тех или иных христиан. И всего этого можно было избежать или по крайней мере минимизировать потери, если бы существовало здоровое духовное руководство. Но поскольку каждый из нас чаще всего предоставлен сам себе, а те, у кого есть духовник, нередко имеют в их лице ригористов и любителей строгости, то и результат понятен. Каждый из нас, кто нашел Церковь Христову и кто сумел, преодолев неизбежные сложности и соблазны, остаться в Церкви, призван к своему «малому учительству». Мы можем быть осторожными подсказчиками тем, кто делает в Церкви свои первые шаги. Стоит подчеркнуть слово «осторожными». Ведь неопит, если он (она) студент, будет рваться в монастырь и захочет бросить учебу в вузе. Наше дело успокоить его и убедить доучиться «за послушание». Нео-

фит выбросит с полок одни книги и заменит их другими. Он начнет поститься по монастырскому уставу и обвяжет вокруг запястья четки. Он еще много чего сделает вплоть до поспешной попытки дать обет безбрачия или пуститься в странничество. А наше дело, в качестве старшего друга или брата во Христе, сдерживать, успокаивать и подсказывать. Мы должны действовать в духе слова, сказанного древними: «Увидишь новоначального, лезущего на небо, — сдерни его за ноги».

Принцип постепенности требует от человека постоянной посильной учебы. И если «поле — академия солдата», то наша учеба — практическая литургика. Нужно сперва всем изучить чинопоследование литургии и неопустительно бывать на службе в воскресенье. Оттуда — от посещения храма — начнется слышание слова Божия и знакомство с месяцесловом, то есть с именами и житиями празднуемых святых. Важнейшей вехой должен стать первый в жизни Великий пост. Великий канон, скудный стол, неядение в определенные дни, земные поклоны, Преждеосвященная литургия, Страстная

седмица с ее уникальными службами и, наконец, Пасхальная ночь должны и могут стать камертоном церковности. Затем, однажды пережив ту Христову ночь, что светлее дня, человек должен будет поддерживать пасхальное горение в своей душе каждое воскресенье и смотреть на воскресный день как на малую Пасху. Среда и пятница каждой седмицы смогут стать со временем малым аналогом Великой Среды и Великой Пятницы. Жизнь будет выстраиваться относительно главного — Воскресения Христова и подготовки к нему. Тогда можно будет заняться и всем остальным, от молитвы по четкам до изучения греческого. Но не раньше.

Великое дело также — прислушаться к слову: «Избери себе чтение». Духовные книги, которые мы читаем, должны быть таковы, чтобы написанное в них могло быть нами применено на практике. В случае если предмет чтения недостижимо высок, мы рискуем травмироваться попытками воплощения прочитанного, а затем рискуем впасть в уныние от чувства никудышности. Так, предупреждают святые, монах, живущий в общежительном монастыре, может

читать книги об отшельничестве и мечтать о пустынном жительстве. Монах же, живущий в пустыне, может читать о смирении братьев в общежитии и смущать себя мыслями о превосходстве жительства среди братьев. Цель у лукавого и там, и там одна — поселить в человеке недовольство своим образом жизни и согнать с места. Далее однажды согнанный помыслами с места рискует уже нигде не найти покоя и с унылым видом странствовать с места на место. Что касается мирян, то схема та же. Они читают монашеские книги, мечтают о святом житии вдали от суеты и... создают проблемы себе и другим на ровном месте. Жены не хотят стоять у плиты и делить супружеское ложе. Мужья мечтают бросить работу и одеться в подрясник. И те, и другие тихо ненавидят всё, что вокруг них, и это мало похоже на подлинно духовную жизнь.

Вывод: читать нужно то и лишь то, что можешь применить на практике. Реальной проблемой нашей церковной жизни является острый дефицит книг, написанных для мирян, о мирянах и об их ежедневной духовной проблематике. Но дефицит дефицитом,

а холодная голова холодной головой. В пушкинские времена святитель Филарет (Дроздов) в переписке и устно осаживал некоторых, не могущих понять, что XIX век не есть век V, а пригород Москвы не есть Фиваида или пустыня Египетская. Два столетия прошло, а необходимость доказывать это не отпала.

«Спасть не трудно, но мудро», — говорил преподобный Кукша Одесский. В этой короткой фразе большая сила. Спасение достигается не столько чрезвычайностью усилий, сколько дозированным усилием в правильном направлении. Ключевые слова — «правильное направление», поскольку множество сил, брошенных в пустоту, никакого эффекта не дают. Мы все нуждаемся в трезвении. Не в смысле воздержания от спиртного (что тоже уместно и желательно), а в смысле трезвого взгляда на мир и себя в нем. Об этом трезвении молится священник сразу после освящения Даров. Он просит, чтобы Великие и Святые Тайны были людям «во трезвение души». Это столь важно, что просьба об оставлении грехов поставлена после просьбы о трезвении. А ведь,

казалось бы, прощение грехов — самое желаемое. Нет. Противоположность трезвению — прелесть. В общем и целом это то состояние души, при котором человек признает ложь за истину, обманывается в главном. Человек может быть уверен в своей святости, в правильности своего пути, в непогрешительности своего образа мыслей и проч. Тогда он будет идти по жизни, как паровоз по рельсам, и остановить его или заставить свернуть будет невозможно. Вот такой нестигаемой твердости новонаначальному и нужно опасаться. Затвердевать, набирать скорость на выбранном пути человеку можно только после приобретения опыта, после преодоления неизбежных ошибок, после приобретения опытного смирения.

Не жить только ожиданием конца света; не искать в людях той беспримесной святости, которая есть у одного лишь Господа; обижаясь на людей, не переносить обиду на Церковь; в друзья к сильным не лезть; сплетни не переносить, слухами не интересоваться. Учиться и думать, познавать церковную жизнь через нужную книгу и литургию. Никуда не спешить, внешние условия жизни

не менять с революционной решительностью, так как всё внешнее поменяется само в зависимости от перемен внутренних. Запасаться терпением и выработать в себе житейскую выносливость. Что еще забыли? Наверняка многие слова не сказаны и мудрые добавляют от себя или оспорят нечто из сказанного. Вспомним в конце поднятого разговора еще одну заповедь отцов: «Пойми время».

Разные времена требуют от христиан разных трудов. И мы не как бесчинные и самовольные подвижники творим что хотим, но как сыны Церкви должны делать то, чего Церковь ждет от нас. Есть времена тихих и тайных молитв, времена мужественного исповедания, если тебя раскрыли. Есть времена (вернее — были) массового подвижничества и аскетизма. Есть времена внешнего благополучия, подаренные Богом для того, чтобы приготовиться к грядущим скорбям и заняться исцелением внутренних недугов церковной жизни. Монашество, семья, образование. Бывает, что каждое из этих явлений цветет или приходит в упадок. Что сегодня? Каков общий фон истории? Мы не будем давать ответов на этот вопрос, поскольку

ку задача понять время обращена к каждому. От того, как кто время поймет, так он и жить будет. Разные ответы рождают разные образы поведения. Один захочет переехать из города в деревню, а другой пойдет учиться на богословские курсы. Один побоится жениться, а другой, напротив, и своих детей нарожает, и брошенного из детдома усыновит. Кто-то захочет убежать на Запад, а кто-то, наоборот, начнет думать о миссионерстве на Востоке. Ответы будут разными, и суд о них будет выносить Господь. Не предвосхищая Его суд, лишь повторим вопрос-задачу: «Пойми время». И поскольку мы потратили некоторое количество времени и слов на тему того, как неопиту не выйти вон из Церкви, попробуем потратить время и силы на следующую тему, органически вытекающую из первой. А именно: что в Церкви делать? Чем в ней заняться? Как найти свое место в этом своеобразном Ноевом ковчеге, где так много совершенно разных живых существ — хищников, травоядных, больших и маленьких, таких разных и непохожих, собранных под одну крышу чувством общей опасности и общим для всех желанием — спастись.

Знаем по опыту, что множество людей живут на свете с чувством ненужности, с чувством брошенной или забытой вещи. Такие люди живут словно и не своей жизнью. На контрасте — чувство присутствия в нужном месте и в нужное время, чувство собственной, пусть маленькой, полезности дает ощущение «ключа в замке». Все на своих местах, и всё как надо. Хотелось бы и в Церкви чувствовать себя, как ключ в замке. И этот вопрос требует отдельного разговора.

НАЙТИ СЕБЯ В ЦЕРКВИ

1

ЖЕМЧУЖИНА начинается с песчинки. В почему-то приоткрывшиеся створки раковины попадает крошка песка или другой мелкий предмет, который со временем обволакивается быстро твердеющей, превращающейся в слои перламутра слизью. И ныряльщик находит раковину, словно приоткрывшую уста и держащую в них драгоценный шарик.

Песчинка. Если искать в человеческой жизни аналог такому появлению великого из ничтожного, то можно остановиться на мысли. Ведь что такое мысль, по расхожему мнению? Не песчинка ли? И сколько таких песчинок наносится на ум человеку за день различными ветрами? Разве можно за всеми

уследить, со всеми разобраться? Но вот бывает — приходит к человеку мысль; приходит словно невзначай, ничего не обещая своим приходом. Кажется, пришла и уйдет, уступая место следующей случайной гостье, а затем и следующей. Но нет, не уходит. И другим места не дает. Вместо того чтобы уйти, она укореняется, привлекает к себе внимание, всю жизнь человеческую заставляет вертеться вокруг себя, как вокруг некоей оси. Прочие мысли, по обычаю приходящие к человеку, эта внезапно угнездившаяся гостья быстро гонит прочь, не терпя конкуренции, не давая никому делить с собою жизненное пространство — сознание человека. Жизнь того, к кому вот так властно пришла мысль, из бесформенного студня быстро превращается в летящую стрелу. Кстати, всюду, где жизнь подобна бесформенному студню (холодной манной каше, чернильной кляксе — сравните с чем хотите), там нет у человека или общества господствующей мысли. Там же, где мысль есть, жизнь выпрямляется и стремится к полету. Лучше всего это движение сравнить с полетом стрелы.

Возможно, вам знакомо это состояние, когда невидимая, неосязаемая телесным чувством гостья (мысль) влияет на жизнь. Наверняка знакомо. Хотя бы в карикатурном виде прицепившейся к уму мелодии, которую вы, как подневольный человек, хоть сплевываете раз за разом, а не перестаете напевать целый день. И еще боитесь, что, проснувшись завтра, опять начнете напевать надоевший, но не отстающий мотив. Но мелодия — это не предел страха. Есть мысли, чье прилипание к уму несет гораздо большие угрозы или награды. Вот поймет вдруг человек, что жизнь протекает, проносится; что за спиной — туман, а впереди — неизвестность; что много посильного добра не сделано, а много глупостей и гадостей, напротив, сделаны. Еще поймет он вдруг, что человек не для суеты создан, а для иной жизни, которая со временем распахнется перед ним, а он вовсе к ней не готов. Если такая мысль войдет в человека вначале на правах гостьи, а затем останется надолго уже на правах хозяина, то увидим мы в жизни такого человека разительные перемены. Дай Бог, к лучшему. Примеров много. Их умножать

не трудно. Вот злой пример: заподозрил мужчина жену в измене. Всё — прежняя жизнь закончилась. Начинается подозрительное присматривание к деталям одежды, прислушивание к разговорам, частое подглядывание на часы. Начинаются ночные кошмары, мечты о мести, поиск частных детективов, установка прослушек и видеокамер. Одна и та же мысль сверлит мозг ревнивца с завидным постоянством, и мы можем смело утверждать, что дело закончится либо расстройством психического здоровья, либо развалом семьи, либо событием криминального характера.

Мысль. Мало ли о чем думает человек! Главное — дела. Пусть думает о чем хочет, лишь бы поступал правильно. Так говорит бытовая мудрость, достойная имени полного безумия. Ведь человек в области действия реализует и воплощает не что иное, как собственный внутренний мир, мысли свои, иными словами. Тайное в области ума становится явным чрез сферу деятельности. Желая исправить и упорядочить жизнь человека и общества, нужно искать выход не в том, чтобы ставить на каждом углу поли-

цейского или камеру наблюдения. А также далеко не только в том, чтобы улучшать и совершенствовать законодательство, но и в том, чтобы помочь человеку разобраться с самим собой, войти в свой внутренний мир, попытаться навести в нем порядок. Одно из кратких прошений молитвы Иоанна Златоуста становится понятным: «Господи, дай мне мысль благую!»

Всё хорошее начинается с мысли, случайно (как бы случайно, если быть точным) приходящей к человеку. Кто читал жития святых, тот должен помнить, как много обращений совершилось во время слушания Евангелия в Церкви. Стоит человек на службе и слушает знакомый, много раз слышанный текст. И вдруг в нем совершается внутренний поворот. Он слышит Евангелие словно впервые; оно звучит для него словно с Небес, а не из уст диакона; он слышит слово, обращенное к себе лично, и не просто слово, а подлинный Божий голос. Так было у Антония Великого. «Раздай всё и следуй за Мной» прозвучало для него как гром. Так было у святителя Луки (Войно-Ясенецкого), который после многих лет архиерейства

вдруг задрожал как осиновый лист, услышав в храме вопрос Христа Петру: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?» Так происходило, происходит и будет происходить, поскольку слово Божие подобно мечу обоюдоострому: *оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр 4, 12).

Лучше всего, если мысль, начавшая руководствовать человеком, была бы из Святого Писания. Миллионы мыслей, рассеянных на пространстве Библии, есть миллионы семян. И Г.Сковорода*, сочиняя свой «Сад Божественных песен», эпиграфом к каждому стиху ставил короткую цитату из Библии с пометкой: «Из сего зерна». Этим он не только указывал, из какого библейского зернышка произросло его стихотворное размышление, но и давал нам урок. Мысли Божии — зерна живые, из которых на земле

* Сковорода, Григорий Саввич (1722–1794) — странствующий философ, поэт и педагог. Снискал славу первого самобытного философа Российской империи и одного из родоначальников русской религиозной философии. Его произведения оказали влияние на крупнейших русских мыслителей.

ума могут вырасти и злаки, и цветы райские, и деревья. «Ваше жительство на Небесах есть» — вот вам зерно для долгих размышлений. «Христос вчера и днесь Той же и во веки» — вот еще зерно. Добровольно избрать одну из мыслей Божиих для размышления в течение дня — чем не подвиг и не духовный труд?

Но бывают случаи, и не редкие, когда останавливает человека посреди суеты и дает пищу его уму и сердцу мысль другого человека. Разбирать великих людей на цитаты — одно из любимых занятий читательской публики. «Афоризмы и мысли великих людей» — книги с такими названиями вы наверняка видели в книжных магазинах. Не всякий будет штудировать Шекспира, но парочку цитат из него для поддержания разговора в образованной компании и для личного удовольствия может найти и запомнить всякий. Так же дело обстоит и с другими авторами. И печатной продукции, и сайтов с подобными подборками множество. Можно критиковать, и критиковать заслуженно, это современное явление умственной жизни, более похожее на слизывание сметаны,

нежели на доение коровы. Но отметим справедливости ради, что даже такие поверхностные знакомства с королями, учеными, философами и литераторами часто приносят неожиданные достойные плоды. И вот какую цитату я хочу предложить читателю: «Люди мелкие ищут комфорта, популярности, денег; люди крупные — самих себя».

Автор приведенных слов — Иннокентий Смоктуновский. И это единственное, что мы скажем здесь об этом удивительном актере, достойном отдельного и предметного разговора. Нас интересует сейчас не он, но сказанное им слово. Ведь человек действительно потерян, но редко кто из нас ищет себя, не размениваясь на поиски чего-то отвлекающего и неважного. Всю жизнь можно прожить в чьей-то шкуре, не свою жизнь прожить, так и не раскрыв для себя подлинное свое призвание и суть. В плане поиска жизненного пути, профессии человеку тоже стоит раскрыть свои подлинные таланты и склонности. Этим он сослужит немалую пользу обществу. Худо будет, если человек мог бы быть хорошим плотником,

а подался по моде в юристы или менеджеры. Мир потеряет хорошего плотника и приобретет еще одного плохого юриста. И так повсюду. Об этом много писал в свое время уже упомянутый нами Г.Сковорода. Но мы далее поведем речь о том, как не только найти себя в жизни и профессии, но найти себя в Церкви. Вот эту мысль попробуем развить из упомянутого зерна.

2

Кто я в Церкви, и что Церковь для меня? Задавали ли вы себе подобный вопрос? Он несколько неожидан. Среди многих вопросов, задаваемых людьми, большинство состоит из вопросов типа «что ямы, что пиемы, во что оденемся?», а также «что делать?» и «кто виноват?» Церковь с трудом встраивается в этот ряд. Тем не менее именно вопрос о Церкви является решающим для жизни личности и общества. Открыть для себя Церковь как Тело Христово и найти себя не просто в жизни прихода (например, в качестве звонаря), а в жизни Церкви

с большой буквы, Церкви Вселенской, Соборной и Апостольской, есть задача максимальной значимости.

Природа Церкви евхаристична, то есть Таинство Тела и Крови Христовых является сердцем церковного организма. Свою церковность, таким образом, следует определить относительно литургии — той службы, на которой совершается причащение Святых Тайн. Всё остальное потом. Всего остального даже может и не быть. Одно-го лишь правильного отношения к Таинству причащения достаточно, чтобы найти себя в Церкви.

Литургия — явление живое и в отношении к Церкви — всеохватное. Это не личное молитвенное упражнение отдельного христианина, а его причастность к целому, к Телу. Литургия связывает молящихся со всеми ныне живущими в вере и со всеми в вере усопшими. Как приносимая Жертва «о всех и за вся», она также рождает живое единство между святыми, окружающими Престол Божий, этими, по слову апостола Павла, «духами праведников, достигших совершенства» (см.: Евр 12, 23) и странствующими

в пространстве земной жизни христианами. Всё церковное искусство рождено литургией и вне нее не живет полной жизнью. Песнопения Церкви не для того созданы, чтобы исполняться на концертах, но в храме, на службе. Иконы пишутся не для музеев, но для храма. В храме они живут, становясь для молящихся людей окнами в иной мир. Они разговаривают с молящимися, зовут, учат, подсказывают. К литургии зовет колокольный звон. Храмовая архитектура, как бы ни была хороша, как бы ни ласкала глаз, всего лишь зовет всей внешней красотой своей внутрь — на службу, и если не достигает этой цели, то остается украшением пейзажа. Само Писание не есть автономная книга для личного изучения. Писание — это Книга общины, Книга, которая читается на богослужении и вне его не может быть понята правильно и достаточно глубоко. Говоря кратко, можно использовать слова А.С.Хомякова, сказавшего, что «христианство понимает тот, кто понимает Божественную Литургию». Любому мирянину, следовательно, предстоит труд узнавания и понимания евхаристической стороны жизни Церкви.

Предстоит изучить со временем годовой и недельный круг богослужений, последование литургии, вечерни и утрени, запомнить или уяснить смысл главных молитвенных текстов. В академическом смысле богословами большинство христиан быть не обязаны. Но если понимать под богословием практическую школу молитвы и духовного образования, то богословами призваны быть все без исключения христиане. В этом отношении отцы говорили: «Кто чисто молится, тот богослов».

Необходимый минимум — это еженедельное участие христианина в воскресной литургии. Это вовсе не вершина, но некий нижний предел, ниже которого нельзя опускаться. И хоть реальность такова, что до нижнего предела многим приходится годами карабкаться, нужно сказать: ежевоскресное участие всех христиан в литургии — это тот минимум, который способен реально сдвинуть в нужном направлении как жизнь отдельного человека, так и жизнь целых христианских стран и обществ. Нам придется реально увеличить в разы количество действующих храмов, если хотя бы еще 5% креще-

ных людей начнут еженощно участвовать в литургии. В храмах с одной воскресной службой придется служить еще одну. И это всё делается, и еще больше делается, лишь бы только христианский народ переоценил и переосознал свою церковность с точки зрения слов Христа: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя».

Мы намеренно не будем касаться в данном тексте вопросов частоты причащения, евхаристического поста и в целом подготовки к Таинству. Всё это введет читателя в лес частных и противостоящих друг другу мнений. Вопросы эти следует обсуждать постепенно, по очереди и со всей серьезностью и обстоятельностью. Здесь же мы стремимся лишь указать те принципиальные, необходимые вещи, без которых воцерковление невозможно или возможно, но в нездоровом, неполном виде. Единственное, что одинаково касается всех христиан, — это такой способ жизни, при котором человек может уверенно сказать: «Каждый вечер субботы и воскресное утро я в храме. Дневной Апостол и Евангелие я читаю заранее, чтобы лучше вслушаться в него на службе.

Проповедь слушаю внимательно, и если нет ее, то я чувствую, что мне не хватает живого слова. Неделя, прожитая без службы, вытягивает из меня все силы, и я с нетерпением жду воскресенья, чтобы припасть к источнику Жизни. Причастие так необходимо мне, что я удивляюсь, как это я жил когда-то не приступая к Чаше Христовой».

3

Жизнь в Церкви предполагает служение. Христос пришел не принимать хвалы и услужливое почитание, а послужить Сам и отдать душу за избавление многих. Восходя в Иерусалим, Он говорит ученикам (те как раз спорят на тему: кто бы из них больший был в Царствии Божием), что логика духовной жизни должна быть противоположна мирскому мышлению. Там цари и владыки обладают низшими, а среди учеников Христовых больший должен быть слугой и самый старший — всем раб. На Тайной Вечере Христос оmyвает ноги учеников, говоря, что если Он — Господь и Учитель — так поступает, то

и апостолы должны действовать в том же духе. Служение, добровольная отдача сил и умений, желание более быть полезным в отдаче, нежели славным в приеме услуг и почестей, должны быть внутренним мотивом христиан. К этому влечет человека Дух Святой, Дух Христов, Которого если кто не имеет, тот и не Его (см.: Рим 8, 9). Обрезанное сердце хочет служить, а не величаться.

Значит ли это, что всем нужно искать места среди церковных служек и тружеников? Нет. Для начала — среди звонарей, сторожей, просфорников и клиросных певцов всем места не хватит. Человеку стоит совершить переоценку своего повседневного труда с точки зрения христианской идеи служения. Во-первых, есть профессии, представители которых не столько работают, сколько служат. Например, военные, врачи, педагоги. Особый статус этих избранных видов деятельности подчеркивается тем, что люди, вступая в должность, дают присягу. Нет присяги плотника, как нет и клятвы строителя. Но есть воинская присяга, есть клятва Гиппократова и есть присяга священника. Педагог хоть клятв не дает, но является

по факту одним из атлантов, на плечах которых держится небо. Люди особых профессий не создают прибавочной стоимости и не производят товаров. Но они лечат, учат и защищают людей, без чего не только прибавочная стоимость, но и сама жизнь вряд ли возможна. Вот эти люди в случае желания найти себя в Церкви никуда могут не ходить. Им только стоит осмотреться на привычном рабочем месте и запастись желанием исполнять свои прямые обязанности во имя Христа и с помощью Христа. Церковь ведь сильна не только строгостью монахов и молитвенностью священников, но и высоким профессионализмом врачей-христиан вкупе с необходимым для их работы человеколюбием. Церковь сильна, если просвещенный верой педагог любит детей, которых учит, и душу им отдает; если воин смел и закален, а судья умен и честен. «Я хочу отдавать силы и знания. Господи, укажи мне поприще!» — вот образец необходимой молитвы. «Дай», «прости», «помоги», «исцели» — слова на молитве привычные и понятные. Но есть дефицит в звучании на молитве великого вопроса: «Господи, что мне сделать ради Тебя?» Там,

где такой вопрос начнет звучать, Бог непременно через обстоятельства жизни начнет со временем давать ответы и подсказки. Способы послужить и потрудиться появятся и обнаружат себя.

Но не нужно думать, что только небольшое число избранных профессий позволяет людям служить Богу и ближним не покидая рабочего места. В широком смысле слова это доступно весьма значительному числу людей с их многообразными занятиями. Для этого в основание деятельности человеку необходимо положить слово Христово, которое прозвучало уже в Евангелии и снова прозвучит на Страшном Суде: «То, что вы сделали одному из малых сих, Мне сделали» (см.: Мф 25, 40). Любое дело меняет цену в зависимости от внутренней мотивации. Есть притча о том, как при строительстве собора Святого Петра в Риме нескольких человек спросили, чем они заняты. «Я камни ношу, зарабатываю хлеб для семьи», — ответил один. «Я строю собор Святого Петра», — ответил другой. Притча заканчивается убежденностью в том, что, если бы не такие люди, как второй ответивший, долго бы

собор не простоял. Теперь приложим сказанное к самым простым профессиям. Что делает водитель городского транспорта (автобуса, трамвая и проч.)? Возит людей и зарабатывает деньги. Правильно, но вспомним: «То, что вы сделали одному из малых сих...» Если водитель хоть раз на дню подумает: «Христа везу», дело сильно изменится. И почему бы не думать водителю, что Христос неузнанный, намеренно изменивший привычный вид Свой едет в салоне его автобуса? Не говорит ли нам Церковь учиться видеть Христа в ближних? Уверен, что и вождение будет осторожным, и выпившим водитель никогда за руль не сядет. Таким же образом повар на кухне кафе, или ресторана, или школьной столовой смело может солить пищу солью, а мысль свою — словами: «Для Христа готовлю». Поверьте, вкуснее и здоровее выйдет. Также и мастер по квартирным ремонтам может думать о своем труде аналогично: Христос будет жить в доме после моего ремонта. И закройщик верхней одежды, и продавец на рынке и так далее, кроме разве что торговцев наркотиками и содержателей ночных клубов. Эти

уж точно не принесут в жертву Богу свой труд. Но и они могут думать, что Христос сейчас и здесь смотрит на них и на «труд» их. От этой мысли многое может измениться, вплоть до закрытия бизнеса и перемены образа жизни.

Только видя Бога в человеке можно вырваться из удушливых тисков эгоизма и вечной погони за выгодой. Без памяти о Боге нет человеколюбия, есть лишь бессильная сентиментальность или откровенное использование людьми друг друга. Без человеколюбия мир обречен на превращение в зверинец, если только звери не обидятся на такое сравнение. Итак, сфера нашей деятельности, работа — это не только способ заработка, но и область практического проявления веры. Это есть то самое церковное послушание, на которое мы поставлены обстоятельствами жизни. Ведь случись кому быть монахом, и там нужно будет трудиться кому за компьютерной клавиатурой, кому за рулем трактора, кому на кухне. И при этом нужно будет помнить Бога, монашеские обеты и держать молитву. То же самое, хоть и в уменьшенном виде, требуется

от всякого мирянина. Он в Церкви не только тогда, когда в воскресенье в чистой рубашке и выбритый пришел на воскресную службу. Он в Церкви всегда, в том числе и посреди служебных и рабочих обязанностей, в спецовке, в поту, среди суеты.

4

Церкви близка история как наука. Здоровому церковному сознанию свойственна историческая чуткость. Где нет чувства истории, там есть бегство от нее. А бегство от истории — это всегда раскол, ложное катакомбничество, создание сект. Бегство — это трусливый отказ от решения творческих задач, которые ставит каждая эпоха. Поэтому, воцерковляясь, человеку нужно ощутить прошедшие века и почувствовать себя малышом, сидящим на плечах гигантов. Нужно, как сказал некто из мудрых, «понять время». Для этого нужно познакомиться с основными этапами истории Церкви Вселенской, с историей своей Поместной Церкви (Русской в нашем случае) и с церковной

историей малой Родины. Последнее очень важно, поскольку современный человек склонен жить на своей земле родной с мозгами туриста. Живя в Новгороде он может ничего не знать о гражданской и церковной истории родного края, но, к примеру, не раз побывать на Тибете или в Таиланде или хорошо разбираться в истории американского рок-н-ролла. Такое умственное бродяжничество как раз и исцеляется нахождением корней и укреплением связи с ними.

Церковное мышление именно масштабно, что составляет поразительный контраст современному типу мышления, ставшего раздробленным, мелким, секторальным. Вот как отвечал Александр Невский римским послам: «От Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Давида, от Давида до Пришествия Христа Царя, от Пришествия Христа до Первого Вселенского Собора, от Первого Собора до Седьмого Вселенского и от Седьмого Вселенского донныне всё знаем и крепко держим. В вашей науке не нуждаемся». Перед нами всеохватное мышление, внутри которого есть место и самому человеку сегодня, и всем

праведникам и грешникам прошлого. В быту любая конкретная ситуация стремится затмить собою горизонт. Широкий же исторический охват позволяет совершить побег из плена сиюминутности. Не умеющий подобным образом мыслить человек, равно как и общество, рискуют утонуть в деталях и частностях.

Есть Родина, и есть малая Родина. Должно быть, следовательно, и малое паломничество по святыням малой Родины прежде всяких странствий по иерусалимам и афонам. «Я на Афоне три раза был», — говорит не без гордости некий свежеиспеченный «паломник», который бежит умом за горизонт и не подозревает о том, что близ него расположено множество святынь общенационального и вселенского значения. Не будет лишним всякому человеку, желающему найти себя в Церкви, посоветовать: «Пойди по окрестным храмам и монастырям. Не поленись зайти и в краеведческий музей, чтобы узнать, какой была история этого, родного для тебя края. Узнай местночтимых святых». Одним словом — осмотрись с любовью и вникни в то, где ты живешь.

Я бы еще посоветовал походить на кладбища, даже если у вас лично там никто не похоронен. Там лежат в ожидании воскресения мертвых тела людей, которые молились до нас на этой земле, которые здесь плакали и смеялись, строили, воевали, грешили и каялись. Они так же реальны, как и мы с вами. Только их пока не видно земному взгляду. Близость к этим людям через посещение кладбищ и заупокойную молитву дает человеку то ощущение корней, которое почти повсеместно утрачивается. Вечность ведь конкретна. И блаженный вход в нее возможен тем, для кого и прошлое так же конкретно, знакомо, понятно.

История Церкви, знакомство с литургией, Священное Писание, поучения святых — всюду человеку не обойтись без книги. Начинать почитание книг стоит с внимания к Библии. К Библии же стоит и постоянно возвращаться. Если хлеб — царь среди пищи, то Библия — королева в мире книг. Ее чтению в прежние века препятствовала безграмотность многих христиан. Сегодня, когда безграмотность побеждена, препятствием является суетность ума, подкрепляемая

общим увеличением темпа жизни. Безбожный нрав, неумение останавливаться на путях своих и концентрироваться мешают многим взять в руки Писание, открыть его и углубиться. А между тем это одно из самых важных занятий. Знакомство с Новым Заветом по дневным и воскресным зачалам, толкования, услышанные в храме или лично прочитанные, — это необходимейшая пища всех. Затем — Псалтирь. Готовая книга прошений, хвалений и благодарений, знание которой способно дать человеку неопределимую помощь в молитвенной жизни. Но и всё прочее оставлять за скобками не стоит. Читать можно и художественную, и научную, и философскую литературу. Святитель Николай Сербский говорит, что можно прочесть Библию раз, затем отложить ее и несколько лет читать всё вообще, что напечатано серьезного: драматургию, поэзию, философию, историю. Потом опять взять Библию и вновь ее прочесть. Вот тогда, говорит святитель, вы почувствуете разницу между словом человеческим, пусть даже самым умным, и словом Божиим! Тогда вы узнаете, что такое Библия!

Есть люди широко известные в церковной среде и за ее пределами. Епископы или монахи, обычные священники или преподаватели духовных академий, они, будучи раскрытыми и яркими личностями, привлекают к себе массовый интерес нешаблонными словами о духовной жизни. Достаточно назвать такие имена, как митрополит Антоний (Блум) или иеромонах Серафим (Роуз). О них можно смело говорить, так как наши слова не несут для них самих угрозы тщеславия или гордыни. Это люди уже почившие, и там, где сейчас их души, тщеславие вряд ли вредит человеку. Но есть и ныне здравствующие люди Церкви, чьи слово и дело привлекают к себе внимание многих. Так вот, если мы поинтересуемся «историями обращений» этих людей, то есть тем, как они нашли Христа, как Христос нашел их, мы узнаем для себя много важного. Например, у всех у них были какие-то встречи, оставившие неизгладимое впечатление. Были люди, встреча с которыми, слова и поступки которых явились определяющими и руководящими. Мы прикасаемся к той тайне и тому закону, который звучит примерно так:

человеку нужен человек. Литургия нужна всем. И книга нужна всем. Без книг и литургии христианство в принципе невозможно. Но еще нужен человек, который приведет вас на литургию и объяснит, зачем она служится. Нужен человек, который даст или порекомендует нужную книгу и потом с вами ее обсудит. Нужен человек, который без книг и не на службе поговорит с вами раз или более, и его слова поведут вас по жизни в ту ширь и в тот свет, о существовании которых вы долгое время не догадывались.

Нужны люди, которые выслушают. Нужны люди, которые подскажут, отругают, помогут. Приютят, защитят, утешат, помолятся. Они нужны всем нам на этапе вхождения в Церковь, они нужны и потом. Они всегда нужны. Но важно, чтобы и мы со временем становились для кого-то такими людьми: слушающими, утешающими, защищающими.

То, как откроется Церковь в своей нетленной красоте человеку, сформирует у этого человека на многие годы и отношение к церковной жизни, и способ возможного служения. Откроется вам церковная

глубина через книги — быть вам в хорошем смысле церковным книжником. Быть вам рабом Божиим, много читающим, распространяющим вокруг себя благоухание церковного образования. Откроется вам Христос через Святую Службу — на веки веков станет для вас храм местом встречи с Живым Богом. Сами из него выходить не захотите и весь мир туда привести постараетесь. Посчастливится повстречать настоящего монаха — и тут жизнь выстроится по особой траектории. Но так или иначе, рано или поздно нужно, чтобы Церковь в своей неотмирности открылась человеку. Не будет этого — будет бытовое христианство, перемешанное с этнографическим материалом и обрядами, не затрагивающими ту глубину души, которая подлинно жаждет Бога и нуждается в врачевании. Если же Церковь откроет лик свой очам человеческой души, откроет на малое время, чтобы не возгордился человек и не ослеп, но вместе и так, чтобы не забыл он этого видения никогда, то станет перед человеком во весь рост вопрос и задача — найти себя в Церкви. Кто я здесь, и как мне жить? Могу ли отдавать

нищему копеечку и ходить только к обедне или должен раздать всё и следовать за Христом взяв крест? Могу ли сделать хоть что-то, если не могу принести и отдать много?

Это творческий вопрос. Творческий потому, что ответ на него нужно выстрадать каждому, и ответы эти будут разными. Со временем каждый, кто нашел свой жизненный ответ на этот вопрос, сможет написать (дай Бог) свою книжку с рекомендациями и изложением личного опыта. А пока изобилием подобных книг не может похвалиться ни одна церковная лавка, между створками нашего ума, словно между створками морской раковины, пусть песчинкой застрянет вопрос: нашел ли я себя в Церкви? Если нет, то: как этого достичь?

ВЫГОРАНИЕ

УПАВШЕГО, опустившегося человека можно и нужно жалеть и миловать. Вместе с тем крайне опасно внушать павшему и опустившемуся человеку, что мы всем миром *обязаны* его миловать, а он имеет полное право требовать любви к себе и уважения. Так мы, чего доброго, на выходе получим какой-то собирательный персонаж из произведений Достоевского. Это будет нищий с апломбом или калека с претензией. Это будет грешник, не желающий каяться, но вооружившийся христианской риторикой. Если хотите — Мармеладов, который гордо скажет: «Да, господа, я падший. И вы не лучше, просто вы одеты чище. Да-с. Однако извольте меня любить таким, каков

я есть, да поискренней любите и посострадательней. И права никакого нет у вас не любить меня, ибо я существо глубоко страдающее». И прочее, и прочее. Нет. Жить и думать надо иначе. Упал — вставай. Болит — терпи. И не называй грех нормой, а болезнь — необходимостью. Милость — она есть именно милость, то есть незаслуженная любовь, а не официально заслуженная пенсия. Это я говорю в тему о падших, кающихся, уставших и этих... как их? Выгоревших.

* * *

В том, что человек устает, нет никакого сомнения. В том, что человек может упасть, да так, что и не поднимется, тоже сомнений нет. Но в том, что мы должны мягко сдвинуть сознание в сторону падения как неизбежности, я совсем не уверен. Придумали слово «выгорание» и согнали в эту категорию всех подряд. Кто-то трижды женился, кто-то зело осквернился, кто-то просто устал служить и решил переквалифицироваться, как Остап, в управдомы, а мы всю эту разношерстную армию дезертиров пометили добрым сло-

вом «выгоревшие» и дружно их жалеем. Что-то здесь не так. Во времена оные некоторые фронтовики протягивали руку к прохожим со словами: «Я в танке горел. Дай рубль на водку!» Не приведи Бог увидеть расстриг, гордящихся своим «выгоранием на производстве». Мол: «Я Богу служил и перенапрягся. Теперь за скобки выпал, но вы уважать меня обязаны, ибо я жертва». А жертвы ведь разные. Вот попутал монашку бес, и она замуж вышла. А теперь живет в вечном страхе и с мыслью, что она Богу на Суде скажет? Или свалил с ног хитрый сатана какого-нибудь доброго игумена и подбил его влюбиться и детей наплодить. Но теперь тот тихо и со стыдом живет, и только Бог знает, какие молитвы из его сердца временами рвутся. Это одно. Здесь есть место и страху, и жалости. Но если такая же монашка, такой же игумен скажут подбоченья: «Ну и что? Выгорели мы. Понятно? Нас жалеть надо», — а мы скажем: «Да-да. Мы вас жалеем. Бедненькие вы», — то это какая-то ложь и подмена смыслов, которую я понимать отказываюсь.

Во-первых, не надо никуда спешить. Ни с постригами, ни с хиротониями. Пусть

лучше женатый мечтает о монашестве, нежели монах — о женитьбе. А то хотел, положим, ребенок в монахи (уж больно поют красиво и одежды черные на ходу так мистически развеваются). Его взяли и постригли с поспешностью. Потом он иеродиаконом стал, потом — иеромонахом, потом игуменом. Всё быстро — за пару лет. Уже мечтать осталось только что об епископстве, а ему всего-то лет 25 от роду. И вдруг скучно стало молодому человеку, а потом сильно захотелось ему жениться. Вот тебе один из сценариев выгорания. Службы надоели, романтика улетучилась, естество о своих правах заявило. А ведь парнишку просто не стоило постригать и посвящать раньше возраста канонической зрелости и без искуса. Вот и всё. И таких сценариев много. Всюду на изнанке «выгорания» вы найдете поспешность, сырость, неосновательность стремлений, мечтательность. Со временем мечты рассеиваются, просыпаются страсти, нападает враг, и неосновательный человек, стоящий на песке, а не на камне, оказывается неготовым нести крест. Он думал, что в солдаты идут, чтоб

на параде в красивой форме маршировать, а его на войну отправили. Вот он и сбежал с фронта под предлогом «выгорания». Осудим его? Нет, воздержимся по заповеди. Но скажем ли, что это норма? Ни в коем случае. Не норма это, а грех, требующий покаяния, а не извинения.

* * *

Всех людей жалко, потому что у каждого в груди не видная глазу дымящаяся рана. Но сентиментальные слюнки по теме выгорания пора вытирать. Евангелие говорит: положил руку на плуг — вспять не оборачивайся. Еще говорит: поминайте жену Лотову. Да и мудрость народная говорит: семь раз отмерь — один отрежь. Думай крепко прежде принятия решения, а когда решение принял — сомнения прочь. Время служения, а не сомнения настало. Основатель ВДВ генерал армии Маргелов (дядя Вася, как называет его десантура) так сказал: «Сбит с ног — сражайся на коленях. Идти не можешь — лежачи наступай». Неужели Церковь не достойна ждать от своих служителей такой же стойкости, верности и храбрости?

Скажите десантнику, что есть «выгорание» и можно по этой причине оружие бросить. Сами знаете, что он вам ответит. Так чего же мы должны духовное оружие бросать? Ладно бросать — оправдывать скопом всех тех, кто оружие бросил? И из-за чего бросил? Бабские прелести, зеленые доллары, ночные фантазии и физическая усталость. Кажется, список полный.

* * *

Про выгорание в слове Божиим притча есть. Притча о десяти девах. У тех пяти, что остались без елея, елей в лампадах выгорел. У мудрых тоже выгорел (ибо что еще делать елею в лампаде, как не выгорать?). Но у мудрых был запас, и они, подлив масла, пополнили светильники. У глупых же запаса не было. Следовательно (вонмем!): выгорание елея происходит у всех без исключения. Все рискуют потерять огонь в светильнике веры — так елей мало-помалу расходуется. Но весь вопрос в том, что подливать нужно регулярно масло в светильник, и накапливать запас, и держать его при себе. Выгорание будет катастрофическим и необрати-

мым, если не заботиться о запасе масла. Это значит: твори добро во Христе, умножай молитвы, запасайся елеем Святого Духа сегодня — во дни изобилия веры. Потом неизбежно наступят дни скудости, дни сухости и тяжелых испытаний. В те дни выживут те, у кого был запас. Некто из отцов сказал: «Умножай молитвы, когда ты помнишь Господа, чтобы, когда ты забудешь Его, Он вспомнил тебя». Мы живем сегодня ради добра, сделанного вчера. И если вчера мы не сделали ничего ради Христа, то сегодня чувствуем себя оскудевшими, а назавтра — выгоревшими. И кто не озаботился заранее о том, чтобы разбогатеть плодами Духа, тот будет наблюдать, как догорают последние капли его веры. Потом лампада закоптит, вспыхнет и угаснет. А человек отвернется от ворот Иерусалима и понуро пойдет в Иерихон. Так исполняется слово: имеющему дано будет, а у не имеющего забрано будет то, что он думает иметь.

* * *

Нет ни злорадства, ни осуждения по отношению к тем, кто пал. Есть только страх

Сохранить живую веру

и жалость. Но есть усиливающееся неприятие от болтовни про выгорание. Есть чувство, что не от любви эта болтовня, а от лукавства. Приобретайте запас масла, возлюбленные, и пусть горит елей, но пусть не гаснут лампы у мудрых дев.

СОДЕРЖАНИЕ

Чтоб не уйти.....	3
Дурная эсхатология	5
Церковная изнанка. «Слишком человеческий аспект»	9
Горячность. Возможная чрезмерность усилий.....	15
Найти себя в Церкви	25
Выгорание	53

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Мы начинаем строить храм.

По благословению Святейшего Патриарха Кирилла он будет называться храмом Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на крови, что на Лубянке. Освятить его, с Божией помощью, мы надеемся в феврале 2017 года.

Построенный к столетию трагических событий минувшего века, этот собор должен быть храмом-памятником победы Гос-

пода нашего Иисуса Христа и Его святых учеников — Исповедников и Новомучеников. Все в храме — и архитектура, и убранство — должно нести радость и свет Воскресения Христова, победы Церкви Божией над злом этого мира, торжества Вечной Жизни над смертью, образ Града Небесного, Нового Иерусалима, в центре которого Агнец — Господь наш Иисус Христос.

Новый храм станет собратом и соратником нашего любимого древнего собора Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

Средства на строительство поступают от наших благодетелей, зарабатываются трудами братии монастыря. Призываем вас, дорогие братья и сестры, принять участие в созидании храма.

Вся информация на сайте:

<http://www.pravoslavie.ru/sobor/>

Протоиерей
Андрей Ткачев

*Сохранить
живую
веру*

Художник *А. Н. Шашина*
Редактор *иеромонах Игнатий (Шестаков)*
Корректор *Л. Н. Иконникова*
Верстка *И. Р. Цуп*
Технолог *М. Ю. Мышкин*

Подписано в печать 28.01.2015 г.
Формат 70x100/32. Объем 2 п.л. Печать офсет.
Бумага офс. №1. Тираж 5000 экз. Заказ № 1501320
Адрес издательства Сретенского монастыря:
103031 г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Интернет-магазин: www.sretenie.com
Книжная торговля Сретенского монастыря (495) 628-82-10
Магазин «Сретение» (495) 623-80-46

Книга известного миссионера протоиерея Андрея Ткачева посвящена актуальным проблемам церковной жизни. Как войти в Церковь и не уйти из нее? Какие ошибки подстерегают новоначального на пути воцерковления? Как не просто ходить в Церковь, но жить Церковью и жить для Церкви и для Главы ее — воскресшего Христа? Как не свести христианство к одной лишь обрядовой стороне, но сделать его руководящим принципом жизни и настоящей силой? Ответы на эти и другие вопросы читатель найдет в предлагаемой книге.

